

11-03-2013 00:56:00

Детство особого режима

Откуда у нас столько олигофренов, почему переполнены психбольницы и чему могут научить сироты

В Красноярске пишут краевой закон для сирот, издают постановления о них же, корректируют уже изданные, создают «Стратегию действий в интересах детей до 2017 года», собирают советы и рабочие группы. То же бюрократическое оживление — в других регионах. Оно и должно продемонстрировать заявленную государством готовность заботиться о сиротах без помощи американских усыновителей...

В Красноярске пишут краевой закон для сирот, издают постановления о них же, корректируют уже изданные, создают «Стратегию действий в интересах детей до 2017 года», собирают советы и рабочие группы. То же бюрократическое оживление — в других регионах. Оно, по всей видимости, и должно продемонстрировать заявленную государством готовность заботиться о сиротах без помощи американских усыновителей. Ведь, когда доходит до дела, говорят привычное — о нехватке денег. Или, как резюмировал красноярский губернатор Лев Кузнецов, «деньгами мы все проблемы не закроем».

Кто-то ждал других слов?

В реальности мы так устроили этот мир, что в нем деньгами «закрывается» уже решительно всё. И сиротам ими как раз помочь можно: например, если работающим с детьми «группы риска» психологам и другим специалистам в «человековедении» будут платить не меньше, чем их коллегам, нашедшим себя в бизнес-тренингах, джиаре и пиаре.

Но у нас, известно, свой путь, особый: на преодоление всякой подлости находить героев и энтузиастов. Они еще не перевелись. Психолог Николай Щербаков — из тех, кто пытается править чужие ошибки. В его случае профессиональный долг еще и перерос в личный. Работал в средней школе, детсаде, преподавал в госуниверситете, консультировал в кризисном центре для пострадавших от насилия. Потом два года трудился в школе-интернате. С той поры постоянно занимается сиротами на общественных началах. Они стали и частью его личной судьбы.

Николай согласился рассказать о своем опыте.

— Первое ощущение от школы-интерната: и дети, и взрослые вырваны из всякого культурно-исторического контекста. Время остановилось. Здесь раньше размещалась колония для малолетних преступников, и колючая проволока, высокий забор по периметру так и остались. Через некоторое время начинаешь чувствовать себя в закрытом бункере, тесном и душном, и это очень неестественно, ведь кроме взрослых тут еще и дети от трех лет. Самостоятельно выходить из бункера нельзя, вход — по пропускам. Детей такие порядки не устраивают, они находят в заборе лазейки и бегут «за». Так они называют выход за пределы территории, например: «Где Сережа, не видели?» — «А он, наверное, за!» Бегут, чтобы купить чего-нибудь, или знакомых по ту сторону забора находят, или банально попрошайничают. Иногда помогают чего-то разгрузить возле магазинов, за что получают деньги. Бывает, сдают металлические провода, нередко найденные тут же, на территории интерната, и здесь же опалённые на костре. Стоимость проводов потом сами же возмещают интернату из скромных денег, выделяемых им государством, вместе со своими воспитателями.

В последнее время стали чаще воровать — в супермаркете, на шиномонтажке. Одна девочка постоянно

приводила и приносила на руках собак и щенков. Дети прятали их в бытовках, а взрослые тайком вывозили подальше. Новых людей, разными путями попавших в это заведение, голодные до общения воспитанники всеми силами стараются разговорить, ради чего могут часами торчать рядом с ними, а по возможности и «разобрать на сувениры», т.е. что-нибудь выпросить себе на память. Понятно, что это нервирует воспитателей, обязанных их побуждать к общественно полезным делам вроде мытья полов в коридорах, спальнях и бытовках.

В закрытых условиях при большой скученности между людьми стремительно нарастает ненависть. У социального психолога Ф. Зимбардо был эксперимент: набрали добровольцев и смоделировали отношения в тюрьме. Одних одели заключёнными, других — надзирателями; вторым велели стеречь первых в спецпомещениях. Эксперимент пришлось прервать раньше времени, настолько «надзиратели» вошли в роль. А чем бы всё закончилось, замечательно сняли немцы в фильме «Эксперимент», очень показательном.

Впрочем, и кино, и книг, и работ других ученых о том, как срабатывают эти социальные механизмы, хватает. Всё ясно, и всё остается, как было и есть: детдом, как любая закрытая система, пробуждает и культивирует и в детях, и во взрослых самые неприглядные качества. Есть и замечательные педагоги, талантливые, самоотверженные, но они в меньшинстве, тогда как несправедливость, насилие, издевательства, произвол — явления настолько привычные, что многие их уже не замечают. Причем директора таких заведений являются скорее заложниками ситуации, но никак не ее хозяевами. А чем больше детдом, тем больше в нем беспорядка и безобразий. То тут, то там на директоров заводят уголовные дела: там ребенка избили, там изнасиловали, там подожгли. Поэтому у директоров нет резона пускаться на «территорию» прессу и вообще «посторонних». Жалобы с последующими визитами прокурорских работников порой только добавляют ситуации идиотизма. Сам наблюдал общение по поводу инцидента в детдоме образовательных чиновников с ледяной девочкой из прокуратуры и могу засвидетельствовать, что это был разговор слепого с глухим.

Из интерната я ушел, как ни жалко было расставаться с детьми и коллегами. Потому что удовлетворения от работы не было: мой труд терял смысл, когда какая-нибудь озлобленная ночная няня надрывала детям уши. Ушел, чтобы не деградировать дальше. К детям, и особенно к подросткам, по-человечески там мало кто относится, и это заразно (по себе знаю), а они платят взрослым той же монетой. Много чего еще мог бы рассказать, но в двух словах вывод таков: интернаты — огромная система, воспроизводящая уродство. Вот я и решил хотя бы на выходные детей к себе забирать. А потом появилась в моей жизни Света, и мы вместе рискнули забрать под опеку Валеру. О чем не жалею.

В этой системе нет понимания того, что необходимо сохранять родственные связи. Пример: родные братья-погодки живут 5 лет вместе, потом родителей лишают прав, дети еще год живут в одном детдоме, скажем, в Большой Мурте, а потом краевая комиссия решает, что одному лучше будет учиться в Красноярске. И живут потом в разных городах, друг друга не видят, не созваниваются, никому дела нет до того, что как-то не по-человечески получается, что их так вот взяли и разлучили. При этом братья друг друга помнят, помнят, как их из дома забирали, и отец пытался не отдать их приставу, скучают. Можно хотя бы помочь написать письмо. Что и сделал, связавшись с Муртой. Пацаны начинают писать друг другу письма, присылают фотографии, созваниваются, потом в Мурте закрывают детдом, приходится звонить в министерство и просить, чтобы второго брата именно в Красноярск отправили, а не куда-нибудь еще. Всё получилось.

Еще две драмы: братьев разлучают с их старшими сестрами. Жили в интернате, потом вдруг братьев отправляют учиться за полторы сотни километров в Ачинск по одной образовательной программе, а сестер оставляют в Красноярске — доучиваться по другой. Министерским стратегам дела нет, что для детей — это травма, они скучают и ночами долго плачут, переживая разлуку. Теперь вот стараюсь почаще ездить в Ачинск, командировки себе придумываю разные, чтобы доставлять письма и посылочки, которые сестры передают через меня братьям, а братья — сестрам в Красноярск.

Когда в министерстве случился очередной реформаторский зуд, интернат, где я работал, перепрофилировали, и часть детей развезли по разным детдомам. Среди них были и мои будущие патронатные дети, 10 и 8 лет. Зная, что все пять лет их детдомовского детства к ним никто не приезжал,

— ощутил такую щемящую тоску, животную просто, — хоть вой. Как волк или волчица, у которых маленьких детёнышей забрали и увезли. И неизвестно, найдутся ли там, куда их увезли, люди, которые будут о них по-настоящему заботиться. Да и — неправильно это, что, уже привязавшись, дети снова оказываются ничьими. И — нечеловеческие, животные же силы в себе почувствовал — всему этому противостоять. А дело-то нехитрое: разузнал, в каком детдоме пацаны находятся. Купил старшему мобильник, с тех пор постоянно были с ним на связи. Сходил в опеку, прошел всех врачей, оформил гостевое заключение, стал брать ребят домой на выходные и праздники. Так вот у меня дети и появились. А потом и жена. Нечасто такое бывает, конечно. Вообще, когда стал заниматься с сиротами, почувствовал, что значит рука Божья. Хоть и не религиозен, не крещён и с Богом предпочитаю общаться без посредников.

Осенью оформили опеку над Валерой. Ему 14. За 4 месяца домашней жизни существенно повеселел, стал лучше учиться, хорошо прибавил в весе. Это особенно заметно, когда к нам на выходные приходит из детдома его родной брат. Конечно, чувствую вину, что его забрать пока не могу: съёмная «полторка» не позволяет, но уже решили со Светой, что к осени найдем возможность забрать и его.

***

Проблем в системе сиротской хватает. Несколько лет назад из штата детдомов нашего края вывели дефектологов. Хотя и в дошкольном, и в начальном школьном возрасте детдомовцы все до единого нуждаются в систематических занятиях именно с дефектологами. Без этого у них не разовьется способность самостоятельно учиться, организовывать свою учебную деятельность. Со всеми вытекающими. Не хватает классов и школ коррекции (7-го вида) для детей с задержкой психического развития (ЗПР). Министерство перекрыло кислород школам, которые держали такие классы, в результате их стало гораздо меньше, а школа 7-го вида во всем миллионном городе только одна, на самой окраине. Меж тем в некоторых районах города большинство школьников имеет тот или иной вид ЗПР, в детдоме — практически каждый ребенок. Выход найден оригинальный. Школы 8-го вида, т.е. для детей с легкой УО (умственная отсталость), есть в каждом районе. Туда и «списывают» сирот (и не только), не справляющихся с общеобразовательной программой. Этакая всеобщая олигофренизация. А что такое школа для детей с УО? Ни физики, ни литературы нормальной; ни возможности даже водителями потом работать. Обычные школы стараются от детдомовцев избавиться, потому что хлопот с ними немерено: и успеваемость портят, и «домашних» обижают.

Психиатрическое «сопровождение» воспитанников детдомов и интернатов имеет откровенно пенитенциарную направленность. В детском отделении краевого психоневрологического диспансера № 1, как и в аналогичном заведении в Атаманове, значительная часть сирот находится не потому, что они действительно психбольные, а потому, что их туда положили для острастки: плохо себя повели. Штатные психиатры в детдомах выполняют роль своеобразных пугал, причем некоторым это даже нравится. «Должны же они кого-то бояться!» — говорила одна такая психиатрическая дама.

Как понимаю, зарплата психиатров детского отделения зависит от «наполняемости коек». В результате летом, в период отпусков, второклассник Саша из ачинского детдома № 1 провел в краевом ПНД больше 2 месяцев. А ведь его привезли на обследование, которое проводят за две недели. 11-летний Юра из красноярской школы-интерната № 3 торчал в ПНД с 26 июля по 18 октября, т.е. почти 3 месяца. Причиной стало то, что он в лагере стащил у кого-то телефон. При этом его еще и кормили лекарствами: зрачки широкие, речь замедленная. Ну и не особо веселый он там был, да и чему ему там было радоваться. Я про него узнал и стал его навещать уже в сентябре, после двух его месяцев в «дурке». Они так и пишут в своих тетрадках: «ДУРКА-2012», и собирают друг у друга автографы, совсем как в пионерлагерях раньше. Есть подростки, которые в ПНД живут больше времени, чем в детдоме.

Хожу теперь туда регулярно с бутербродами и фруктами, Света вот блинов напекла. Сейчас там четверо знакомых детдомовцев. Звонят от меня друзьям, воспитателям и родственникам, чтобы убедиться, что кто-то о них помнит и думает. А так — живут там как проклятые и забытые, в лучших отечественных традициях.

Вот Ванин рисунок «Мишка на Луне». Это октябрь прошлого года, Ваня ждет этапирования в психушку в Атаманово: они со своим старшим приятелем украли из интерната комп, сбывли его где-то и чудно провели три дня в компании какого-то знакомого мужика. «400 ударов» Франсуа Трюффо. И вот Ваня передо мной молча рисует этого грустного медведя с зашитой улыбкой, латаного-перелатаного, сидящего на облаке на фоне большой Луны. Мишка держит в лапах огромное сердце — тоже всё в заплатках. (Многие дети в их интернате рисуют классно, потому я и подослал к ним художницу Лену.) В рисунке — вселенское одиночество. Но и — детская надежда. Потому что медведь, хоть и старый, и с зашитым ртом, но — мягкий и добрый. Переходный объект, по Д. Винникотту, «заместитель» матери, предмет, который позволяет младенцу сохранять себя и чувство реальности, психически не «развалиться», пока матери нет рядом. Ну или сердце, которое он держит, — этот переходный объект, такая огромная, починенная любовь, а медведь — это сам Ваня, его мироощущение, забытая Богом игрушка, зависшая в небесах между Луной и Землей, которой на рисунке даже не видно. Он так объяснил свой рисунок: «Сумасшедший медведь: на Луну полез и застрял на облаке».

В Атаманово его отправили только 4 декабря, уже беспричинно. Просто «чтобы отдохнуть от него», как при мне сказала ему одна сотрудница. Впрочем, там он уже не первый раз, хвалил тамошних санитаров за доброту. На днях ездил к нему: ведь стал доверять мне парень, ждал, когда я в интернат к ним приходил. За два месяца в психушке Ваня совсем стал большим (14 лет, самый рост), но цвет лица — землистый. Говорят, не гуляют они там зимой. И сутулился вначале, совсем как арестант, но потом нет-нет да и расплывался в улыбке, хоть и сдержанный он на эмоции.

***

Основной порок системы интернатов — закрытость. И психиатров следовало бы контролировать общественным организациям и независимым специалистам, и в целом интернаты нужно «открывать». Для прессы, разных посетителей, волонтеров, мероприятий. Во-первых, детям будет интереснее жить; во-вторых, их жизнь в детдомах будет под контролем общественности; в-третьих, больше шансов, что у кого-то ёкнет сердце, и еще один ребенок обретет семью. Да и без семьи: даже если определенные взрослые будут регулярно навещать определенного ребенка, заботиться о нем, общаться регулярно — для него начнется совсем уже другая жизнь! Так нам со Светой и сказал Серега, разоткровенничавшись: «Когда мы с тобой познакомились, у меня началась совсем другая жизнь». Это спустя 4 года. А через пару месяцев всего со дня знакомства он заметил, глядя в сторону: «Ко мне никто так еще не относился, даже мои родители». Он их хорошо помнит, как и всю свою Знаменку, откуда его в 5 лет забрали от матери-алкоголички в Минусинск, а годом позже перевели в Красноярск; и отец, и мать позже умерли, даже могил их мы не смогли найти.

Волонтеры в интернатах нужны не только для того, чтобы представление показать или подарить что-то. Каждый ребенок там гораздо больше нуждается в обычном личном контакте со взрослым. Спокойно поговорить, вместе сделать уроки, вместе почитать, погулять, чувствуя при этом, что он тебе по-настоящему интересен и нужен.

Знаю очень многих людей, участвующих в жизни сирот. Лера и Женя Гусаровы организовали поездку детей в зоопарк, а после взяли под опеку дошкольницу Машу. И она в школу теперь пошла в общеобразовательную, а не для детей с УО, как случилось бы — останься она в детдоме. Потом Гусаровы взяли на патронат подростков Андрея и Настю. Есть В.А. Аникутина, взявшая под опеку уже второго своего крестника. Есть студентка Василина Степанова, собравшая группу волонтеров: приходят в детдом и готовят с детьми уроки. Есть молодые рокеры «Дом моделей», сочиняющие добрые детские песни и регулярно выступающие перед сиротами. На их концертах дети могут танцевать так, как им хочется, а не как велит хореограф. Есть Полина Вяжевич, которой небезразличны «отказники», и она тербит свое начальство в большой бизнес-структуре, чтобы помогали, чем могут. Завуч детдома № 2 О.М. Конончук оформила опеку над двумя «сложными» выпускницами, чтобы иметь возможность больше участвовать в их жизни. Мой друг и сокурсник Игорь Ключев оплачивает работу с детдомовцами художницы Лены Друговой. Вообще, когда дело касается сирот — наши люди готовы делиться последним.

Люди должны знать: детдомовцы в большинстве своем — очень теплый, радушный и душевный народ! Ни в какой жалости они не нуждаются. Наоборот, у них можно учиться любить жизнь: они умеют ценить ее и наслаждаться ею не только потому, что они дети, но и потому еще, что у них ничего и никого нет! Знаете, вспоминаются откровения Франкла про концлагерь. Да и вообще люди, прошедшие лагеря, все эти круги ада, — нередко начинают чувствовать и понимать нечто такое, что другие за суетой повседневности не замечают. Детдомовцы — очень тонкие психологи. Чувствуют искреннее к себе отношение. Если ты по-настоящему «за них» — сразу становятся друзьями, многое тебе прощают и расшибаются в лепешку, чтобы сделать для тебя что-нибудь полезное. И в целом вполне могут нормально развиваться, без разных психиатрических диагнозов и дурацких госпитализаций, если поместить их в обычные нормальные семьи, что я не раз уже наблюдал.

При этом нужно развивать систему психологического сопровождения как сирот, включая и юношеский возраст, так и семей, взявших под опеку ребенка. Знаю детей, от которых приемные родители после нескольких месяцев совместной жизни отказались. Эти ребята сейчас подавлены и дезориентированы. Доверие к миру у них серьезнейшим образом подорвано, отчего порой они и становятся обитателями психбольниц и прочих невеселых заведений. Если бы с будущими опекунами и усыновителями прежде поработали опытные психологи, всего последующего безобразия бы не было. Но психологов, работающих с обычными людьми, да и нормальных педагогов государство пока не особо культивирует. Как правило, психологи в образовательных заведениях берут на себя функции отсутствующих дефектологов, а в основном сочиняют и переписывают многочисленные бумажки, потому что по этим бумажкам проверяющие органы и судят о качестве работы.

Детдома если и должны быть, то маленькие, на 5—7 детей, и с определенными родителями-воспитателями. Пусть по контракту работают, главное — чтобы постоянно.

...Несомненно, работа в интернате и последующий патронат существенно меня изменили. Не сказать, что в худшую сторону. Наоборот. Это работа «на нижнем регистре»: независимо от твоего желания развиваются «родительские инстинкты», очень глубокие, «подкорковые». Способность чувствовать себя и других и по-настоящему заботиться о тех, кто в заботе нуждается. Спокойная основа какая-то внутри появилась. То, на что всегда можно опереться. В работе и в повседневной жизни, в том числе личной, это очень помогает.

Автор: Алексей Тарасов

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/society/57110.html>